

С.Н. Смирнов*

ОБРАЗОВАНИЕ И УРБАНИЗАЦИЯ / ДЕЗУРБАНИЗАЦИЯ: ПРИМЕР РОССИИ

Аннотация. Рассматриваются тенденции урбанизации / дезурбанизации в России и ее регионах в XXI в. и их связь с образовательным цензом населения. Проанализированы также спрос и предложение на региональных рынках труда в разрезе видов занятий, определяемых полученным образованием.

Ключевые слова: образовательный ценз; внутренняя миграция; урбанизация / дезурбанизация; рынок труда; занятость.

S.N. Smirnov

Education and urbanization / dezurbanization: The case of Russia

Abstract. The article deals with the trends of urbanization / dezurbanization in Russia and its regions in the XXI century and their connection with the educational qualification. The demand and supply in the regional labor

* **Смирнов Сергей Николаевич**, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, заведующий Центром анализа социальных программ и рисков Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Smirnov Sergey Nikolaevich, doctor of economic sciences, leading researcher of the Department of economics at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, head of the Center for social programs and risks analysis at the Institute of social policy of the National Research University Higher school of Economics (Moscow, Russia).

Статья написана по проекту Российского фонда фундаментальных исследований № 17-06-00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации/дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)».

markets in the context of the types of occupations determined by education are also analyzed.

Keywords: educational qualification; inner migration; urbanization / de-urbanization; labor market; occupation.

За годы рыночных реформ существенно изменился спрос на образовательные услуги. Образовательная пирамида оказалась перевернутой, поскольку доступ к услугам высшего образования (мы не говорим здесь о его качестве) административно не ограничивался и определялся во многих случаях не способностями обучаемого, а финансовыми возможностями домохозяйства. Средний образовательный ценз населения страны вырос, причем одним из факторов его повышения стала миграция сельских жителей в города, где возможностей для трудоустройства было существенно больше, чем в сельской местности.

Урбанизация / дезурбанизация в России и ее регионах в XXI в.

Под урбанизацией / дезурбанизацией в данной статье будем понимать сокращение / рост доли сельского населения в общей численности населения страны или ее отдельных административно-территориальных единиц, фиксируемое государственной статистикой. Последнее замечание важно потому, что статистические оценки масштабов и структурных характеристик феномена переезда жителей крупных городов в загородную местность с сохранением регистрации по прежнему месту жительства в городах и сдачей, как правило, своего городского жилья в наем отсутствуют.

О процессах урбанизации / дезурбанизации можно судить на основе данных демографической статистики – соотношении городского и сельского населения в стране и его изменении с течением времени. Абсолютные масштабы потоков внутренних мигрантов, включая потоки между городской и сельской местностью, показывают следующие данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Численность..., 2017].

Так, в 2016 г. количество внутренних мигрантов в России составило 4131,3 тыс. человек. При этом мигрантов, которые переехали из одного городского поселения в другое, оказалось 1942,1 тыс. человек, а из одного сельского поселения в другое – 375,7 тыс. Свой статус сельского жителя на статус городского жителя сменили 955,6 тыс. человек, и лишь немногим менее, а именно,

857,9 тыс. человек переехали в 2016 г. из городских поселений в сельскую местность. Соотношение между двумя последними категориями внутренних мигрантов в региональном разрезе различалось. Так, в трех из восьми федеральных округов (ФО) количество переехавших из городских поселений в сельские в 2016 г. превысило количество переехавших в обратном направлении (соответствующее отношение в Уральском ФО составило 1,231, в Северо-Западном ФО – 1,169 и в Центральном ФО – 1,004). В остальных ФО отношение переехавших из города в село к мигрировавшим в обратном направлении было меньше 1, составив в Дальневосточном ФО 0,942, в Сибирском ФО – 0,894, в Приволжском ФО – 0,814, в Южном ФО – 0,713 и в Северо-Кавказском ФО – 0,499 (это отношение в РФ в целом составило 0,898). Следовательно, можно говорить о том, что процессы дезурбанизации в РФ статистически значимы, однако сильно варьируют в региональном разрезе.

В XXI в. (2000–2017) сельское население страны сократилось на 1699 тыс. человек, в то время как численность проживающих в городах увеличилась на 1613 тыс. человек. Если в 2000 г. в сельских поселениях проживало 26,9% населения страны, то в 2017 г. – 25,7%¹. Важно, что Россия не является исключением из общемирового тренда. Так, согласно прогнозу ООН, доля горожан в общей численности населения Земли увеличится с 49,4% в 2007 г. до 69,6% в 2050 г., в том числе в экономически развитых странах – с 74,4% до 86%, а в России – с 72,8% до 82,2%².

Рост уровня урбанизации продолжается в абсолютном большинстве субъектов РФ. Только в 22 из 80 регионов³ (как видно из табл. 1) в начале XXI в. доля городского населения снизилась, причем эти регионы могут быть разделены на три группы. В основу выделения этих групп был положен критерий соотношения между динамикой численности городского населения и сельского населения. В первую группу вошли 10 регионов, в которых численность сельского населения увеличилась на фоне сокращения численности городского населения. Вторую группу составили четыре

¹ Здесь и ниже данные по численности населения, если не оговорено особо, приводятся по данным Росстата на 1 января соответствующих лет.

² Использованы данные сайта: <http://nadprof.ru/library/books/oon/oon.shtml> (Дата обращения: 20.03.2018.)

³ Здесь и ниже не учитываются данные по Москве и Московской области (из-за изменения границ между этими субъектами РФ), а также Севастополю и Республике Крым (в связи с тем, что они вошли в состав РФ только в 2014 г.). В Санкт-Петербурге население, относимое к сельскому, в отличие от Москвы, отсутствует.

региона, где численность как сельского населения, так и городского населения увеличилась, однако рост первого был выше роста второго. Наконец, третья группа включает в свой состав восемь регионов, в которых как сельское, так и городское население в рассмотренном периоде сократилось, однако в сельской местности это сокращение было меньше, чем в городах.

Таблица 1

Регионы дезурбанизации в Российской Федерации

Субъекты РФ	Сельское население в 2017 г.		
	Численность, тыс. человек	Доля в общей численности населения, %	Изменение доли в 2000–2017 гг., п.п.
<i>1. Регионы с сокращением численности городского населения и увеличением численности сельского населения</i>			
1.1. Тульская область	378	25,2	6,6
1.2. Республика Адыгея	239	52,6	5,4
1.3. Сахалинская область	89	18,3	4,7
1.4. Кабардино-Балкарская Республика	414	47,9	4,5
1.5. Удмуртская Республика	512	34,3	3,9
1.6. Свердловская область	665	15,4	3,1
1.7. Республика Северная Осетия – Алания	252	35,8	2,7
1.8. Республика Башкортостан	1548	38,1	2,1
1.9. Республика Хакасия	166	30,9	1,9
1.10. Астраханская область	341	33,5	1,3
<i>2. Регионы с меньшим увеличением численности городского населения относительно увеличения численности сельского населения</i>			
2.1. Ленинградская область	644	35,9	2,3
2.2. Карачаево-Черкесская Республика	267	57,3	1,2
2.3. Республика Ингушетия	280	58,2	1,2
2.4. Чеченская Республика	923	65,2	0,9
<i>3. Регионы с большим сокращением численности городского населения относительно сокращения численности сельского населения</i>			
3.1. Камчатский край	69	21,9	2,8
3.2. Владимирская область	305	21,9	1,8
3.3. Ивановская область	191	18,7	1,1
3.4. Иркутская область	509	21,1	0,8
3.5. Республика Бурятия	404	41,1	0,8
3.6. Кемеровская область	384	14,2	0,6
3.7. Приморский край	440	22,9	0,6
3.8. Самарская область	637	19,9	0,4

Источник: Расчеты автора на основе данных сборника [Демографический ежегодник России].

В регионах дезурбанизации в 2017 г. проживали 9697 тыс. селян, или 25,6% их общего количества в России. По сравнению с 2000 г. численность сельских жителей в этих регионах практически не изменилось, увеличившись всего на 31 тыс. человек, в то время как доля регионов дезурбанизации в сельском населении страны повысилась на 1,1 п.п.

Побуждение к миграции: Фактор образования

Приведенная статистика характеризует лишь «валовые» показатели дезурбанизации. Она не позволяет, например, ответить на вопрос, действительно ли сокращение городского населения в тех или иных регионах произошло путем его переселения в сельскую местность того же региона или же городские жители мигрировали в другие регионы России. Кроме того, на основании этой статистики невозможно определить, какие побудительные мотивы существуют у тех граждан / домохозяйств, которые переезжают из городских поселений в сельские. Неясно также, есть ли какая-либо связь между дезурбанизацией и характеристиками переезжающих, с одной стороны (микроуровень), и общими характеристиками населения, с другой стороны (макроуровень).

В первом случае речь идет о так называемом социальном капитале состоявшихся и потенциальных мигрантов – прежде всего системе их социальных связей, которые могут стимулировать переезд горожан в село и способствовать их адаптации на новом месте. Такого рода характеристики выявляются в результате социологических опросов. Во втором случае имеется возможность определить наличие или отсутствие связей между изменением уровня урбанизации (дезурбанизации) региона и теми или иными характеристиками населения. Одной из таких характеристик является уровень образования. Например, этот уровень можно сопоставить с изменением долей сельского населения в регионах.

Подобные расчеты, конечно, открыты для критики, поскольку вне их поля остаются иные факторы, которые влияют на уровень урбанизации / дезурбанизации субъекта РФ, прежде всего, структура экономики, предполагающая различия в размещении хозяйствующих субъектов и, следовательно, размещении населения. Но тем не менее образовательный ценз, безусловно, влияет на диапазон возможностей человека в принятии решений, в частности в том, что касается выбора модели занятости, места проживания и т.д. Как правило, человек с высоким образовательным цензом, не под-

верженный вредным привычкам и не являющийся инвалидом, обладает и более значимым социальным капиталом, а следовательно, в меньшей степени подвержен риску социальной эксклюзии, под которой понимается исключенность (эксклюзия) индивида из экономической жизни, сферы социальных услуг, общественной жизни и социальных сетей.

Социально эксклюзированные индивиды утрачивают свой социальный капитал, поскольку высока вероятность разрыва социальной коммуникации с различными контрагентами – членами семьи и близкими родственниками, друзьями и знакомыми, коллегами по работе и учебе, представителями властей / государства, соседями и местным сообществом. Количественные оценки показали, что в России наиболее высокий риск утраты социального капитала присущ таким группам населения, как наркозависимые, алкогольно-зависимые, проживающие в стационарах социальной защиты, воспитанники детских домов, ВИЧ-инфицированные, длительно безработные, нуждающиеся в помощи на дому, дети-инвалиды и бедные [Исаев Н.И., 2015].

Количественные оценки связи между уровнем образования индивида и вероятностью попадания его в группу подверженных риску социальной эксклюзии отсутствуют. Они могут быть получены только в результате специальных социологических обследований, но таковые пока не проводились. Можно предположить, что уровень образования лиц, входящих в некоторые из этих групп (прежде всего, воспитанники детских домов, нарко- и алкогольно-зависимые), ниже относительно среднего образовательного ценза. Что касается их участия в процессах дезурбанизации, то здесь можно говорить об отдельных случаях – например, переезде инвалидов в загородные учреждения социальной защиты, продаже нарко- и алкогольно-зависимыми городского жилья и их переезде в сельскую местность. Мотивы перемещения этих групп населения из городской местности в сельскую носят ситуационный характер. Вместе с тем для многих мотивы переезда носят мировоззренческий характер. В ряде случаев это вполне осознанный выбор дауншифтинга, под которым понимается выбор человеком жизни для себя и отказ от участия в реализации чужих целей, зачастую сопровождающийся переездом на постоянное место жительства из города в сельскую местность.

Статистическая обеспеченность исследования связи между уровнем образования и изменением соотношения между городским и сельским населением в регионах России невысока. Речь идет

прежде всего о наличии тех показателей, с использованием которых можно оценить образовательный ценз населения в регионах. Официальными информационными источниками являются, во-первых, данные, которые собирает Росстат по формам федерального статистического наблюдения и, во-вторых, проводимые им же обследования населения.

Одним из таких обследований является выборочное обследование рабочей силы, проводимое Росстатом с месячной периодичностью. В публикациях по его результатам [Обследование рабочей силы, 2006–2015; Обследование населения., 2016–2017] содержатся данные о распределении занятых в экономике по уровням образования, шестью градациями которого являются: высшее, программы подготовки специалистов среднего звена, программы подготовки квалифицированных рабочих, среднее общее, основное общее, ниже основного общего. Данные по РФ представлены как в целом, так и в разрезе городского и сельского населения. Эти данные позволяют рассчитать средний образовательный ценз занятого населения. Соответствующий алгоритм предполагает ранжирование перечисленных уровней образования (первый, самый низкий ранг, присваивается образованию ниже основного общего, а шестой, самый высокий, – высшему образованию) с последующим умножением рангов на долю занятых соответствующего ранга и суммированием полученных показателей. Имея данные обследований за ряд лет, можно построить динамический ряд среднего образовательного ценза (табл. 2).

Таблица 2

**Средний образовательный ценз занятого населения
в Российской Федерации**

Год ¹⁾	Все население	В том числе:	
		городское	сельское
2010	4,59	4,74	4,10
2015	4,70	4,83	4,26
2017	4,71	4,84	4,29

¹⁾ Декабрь.

Источник: Расчеты автора на основе данных обследований населения по вопросам занятости (до 2016 г.) и обследований рабочей силы (с 2016 г.) Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766

Легко заметить два феномена. Первый – это некоторое повышение в 2010–2017 гг. среднего образовательного ценза занятого населения. Второй феномен – это заметное превышение среднего образовательного ценза у занятых в городах по сравнению работающими селянами.

Приведенные данные пригодны для изучения связи между изменением уровня урбанизации региона и образованием его населения. Однако проблема состоит в том, что в разрезе субъектов Российской Федерации этот показатель не рассчитывается из-за большой в данном случае ошибки выборки. Поэтому возникает вопрос о поиске альтернативных статистических показателей.

В качестве одного из них может рассматриваться относительная (в расчете на 10 тыс. жителей) численность студентов, обучающихся в регионе по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, а также по программам подготовки специалистов среднего звена [Регионы России, 2017]. Значение этого показателя теоретически требует определенной подстройки, поскольку не все студенты, проходящие обучение по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры могут быть жителями того субъекта Российской Федерации, в котором расположено учебное заведение. Однако осуществить такую корректировку не представляется возможным из-за отсутствия необходимых для этого статистических данных. Кроме того, корректировка в большинстве случаев вряд ли серьезно повлияет на результаты – исключениями станут немногочисленные регионы, в которых расположены известные образовательные учреждения высшего профессионального образования, бренды которых привлекательны для студентов.

В стране в целом в начале 2016/2017 учебного года в расчете на 10 тыс. жителей было 300 студентов, обучавшихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Наибольшими значениями этого показателя ожидаемо оказались в Москве (595), Санкт-Петербурге (556), а также в Томской области – старом университетском центре Сибири (554). На другом полюсе находились Ненецкий АО, в котором таких программ не было, а также Ямало-Ненецкий АО, в котором в расчете на 10 тыс. жителей приходилось всего 29 будущих бакалавров, специалистов и магистров.

Результаты расчетов показали, что связь между изменением уровня урбанизации / дезурбанизации субъектов Российской Федерации и относительными масштабами подготовки магистров, специалистов и бакалавров отсутствует. Коэффициент корреляции Пирсона был малоотличим от 0 и оказался незначимым ($-0,047$).

Количество обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена в расчете на 10 тыс. жителей существенно меньше обучающихся по программам подготовки бакалавров, специалистов и магистров (так называемая «перевернутая пирамида образования»). В начале 2016/2017 учебного года в стране их было 146. Наибольшая относительная численность таких специалистов была отмечена в республиках Алтай и Калмыкия, а также в Свердловской области (соответственно 213, 204 и 201), а наименьшая – в Ленинградской области, Москве и Московской области (соответственно 77, 79 и 87).

Результаты расчетов показали, что связь между изменением уровня урбанизации / дезурбанизации субъектов РФ и относительными масштабами подготовки специалистов среднего звена является обратной (чем выше относительная численность последних, тем меньше смещение структуры населения в регионе в пользу городского населения), хотя и не очень выраженной. Коэффициент корреляции Пирсона в данном случае оказался значимым и составил $-0,2201$.

Таким образом, результаты статистического анализа подтвердили предположение, что сам по себе уровень образования не является фактором, определяющим тенденции урбанизации / дезурбанизации в регионах РФ и, скорее всего, не станет таковым и в перспективе.

Интересными представляются различия образовательного ценза внутренних мигрантов. По данным Федеральной службы государственной статистики [Численность..., 2017] мигранты по уровню образования могут быть разделены также на шесть групп: 1) высшее профессиональное (высшее), неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее); 2) среднее профессиональное (среднее специальное); 3) начальное профессиональное; 4) среднее общее (полное); 5) основное общее (среднее общее неполное) и 6) начальное общее (начальное) отсутствие образования. Рассчитанный по описанному выше алгоритму средний образовательный ценз прибывших в 2016 г. на новое место жительства внутренних мигрантов составил 4,51, т.е. был несколько ниже среднего образовательного ценза занятых в экономике. Иными словами, лица с относительно низким уровнем образования могут стремиться к переезду в поисках более комфортной жизни.

Любопытны межрегиональные различия образовательного ценза внутренних мигрантов. Повышенный образовательный ценз характеризовал в большинстве случаев приехавших в экономи-

чески развитые субъекты РФ, где существует повышенный спрос на квалифицированных работников. В их числе, в частности, Московская область, где средний образовательный ценз прибывших внутренних мигрантов составил 5,06, Санкт-Петербург (4,94), Ленинградская область (4,82), Москва (4,76). С другой стороны, например, в Чеченской Республике этот показатель составил 4,04, в Республике Тыва – 4,14.

Заслуживает внимания гипотеза о связи процессов урбанизации / дезурбанизации в нынешней России с возрастной структурой населения. Предполагается, что ушедшие с рынка труда граждане старших возрастов – вне зависимости от их образовательного ценза – могут переезжать на постоянное место жительства из городских поселений в сельскую местность. Эту гипотезу можно проверить статистически, поскольку Росстат регулярно публикует данные о возрастной структуре населения в субъектах РФ.

По данным на 1 января 2017 г. средний возраст населения страны в целом, а также городского и сельского населения составил 39,7 лет, причем средний возраст мужчин (36,7 лет) оказался существенно ниже среднего возраста женщин (42,1 года). Самым молодым оказалось население Чеченской Республики (28,2 года) и Республики Тыва (29,5 лет), а самым возрастным – Тульской и Тамбовской областей (соответственно 43 и 42,9 года). Коэффициент корреляции Пирсона между средним возрастом жителей региона и изменением доли сельского населения в нем оказался практически нулевым, составив $-0,029$ и был незначимым.

Таким образом, на основе проведенных расчетов можно сделать вывод, что разрыв между городскими и сельскими жителями по уровню их образования сохраняется, и вряд ли будет преодолен в перспективе, во всяком случае до тех пор, пока переезд из городов на постоянное место жительства в сельскую местность не приобретет значимые размеры.

Тенденции развития образования в России

Тенденции развития образования в стране в первые два десятилетия XXI в. различаются на разных уровнях образовательной системы.

Подготовка бакалавров, специалистов и магистров. Численность студентов, которая в начале 2005/2006 учебного года составила 7,1 млн человек, в дальнейшем постоянно снижалась и к началу 2016/2017 учебного года составила 4,4 млн человек, или 62%

к исходному уровню. Это объясняется прежде всего снижением рождаемости в России в 1990-е годы и старением населения, объективно сокращающим спрос на высшее образование. Если в конце 2005 г. доля населения старше трудоспособного возраста составила в стране 20,5%, то в конце 2016 г. – уже 25%. Старение населения привело к тому, что в расчете на 10 тыс. жителей число студентов, которые проходили подготовку по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, также уменьшилось – соответственно с 493 до 297, или почти на 40% [Регионы России, 2017].

Территориальная структура высшего образования за этот период практически не изменилась. Доля двух крупнейших российских центров высшего образования в стране – Москвы и Санкт-Петербурга в общей численности проходящих подготовку по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры составила в начале 2005/2006 учебного года 23,03%, а в начале 2016/2017 учебного года – 23,41%. По этому показателю им существенно уступали находившиеся на последующих местах Республика Татарстан и Ростовская область, доля которых составила соответственно 6,16 и 6,63% [Регионы России, 2017].

Сокращение спроса на образовательные услуги отразилось на институциональной структуре высшего образования. С рынка образовательных услуг постепенно уходят сугубо коммерческие образовательные организации как в силу действия рыночных факторов, так и в результате «зачистки» образовательного поля и отзыва лицензий у образовательных организаций, не обеспечивавших требуемое качество образования. Если в начале 2005/2016 учебного года доля частных организаций в общем числе студентов, проходивших подготовку по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, составила 15,3%, то в начале 2016/2017 учебного года – 11,9% [Регионы России, 2017].

Резко сократилась и численность профессорско-преподавательского состава, осуществляющего образовательную деятельность по программам высшего образования. Если в начале 2005/2006 учебного года она составляла 356,8 тыс. человек, то в начале 2016/2017 года – всего 261 тыс., или на 26,8% меньше [Регионы России, 2017].

Количество выпущенных бакалавров, специалистов и магистров в стране заметно варьировало. Так, в 2005 г. этот показатель составил 1151,7 тыс. человек, в 2010 г. – 1467,9 тыс. человек, а в 2016 г. – 1161,1 тыс. человек.

Подготовка специалистов среднего звена. Численность студентов, которые обучаются по соответствующим программам, снизилась существенно меньше по сравнению с численностью студентов, получающих высшее образование. Если в начале 2005/2006 учебного года их было 2,59 млн человек, то в начале 2016/2017 учебного года – 2,3 млн, или всего на 11,2% меньше по отношению к исходному уровню. Демографические факторы повлияли на снижение спроса на этот уровень образования в меньшей степени, чем на снижение спроса на высшее образование. В расчете на 10 тыс. жителей число студентов, которые проходили подготовку по программам подготовки специалистов среднего звена, снизилось со 173 в начале 2005/2006 учебного года до 146 в начале 2016/2017 года – всего на 15,6% по сравнению с 40% в случае со студентами, которые получают высшее образование. В результате пирамида образования стала «перевернутой» в статистически меньшей степени: отношение числа обучавшихся по программам подготовки специалистов среднего звена к обучавшимся по программам подготовки бакалавров, специалистов и магистров изменилось соответственно с 0,36:1 на 0,52:1 [Регионы России, 2017].

В отличие от институциональной структуры высшего образования, которая эволюционировала в сторону усиления роли образовательных организаций государственного и муниципального секторов, в институциональной структуре среднего образования повысилась роль частных организаций, доля которых в рассматриваемый период повысилась с 4,5% до 7,3% [Регионы России, 2017].

Территориальная структура подготовки специалистов среднего звена характеризуется меньшей концентрацией относительно территориальной структуры подготовки бакалавров, специалистов и магистров. Так, в начале 2005/2006 учебного года доля Москвы – крупнейшего центра по подготовке таких кадров – составила всего 4,54%, а на последующих местах находились Свердловская область (4%) и Республика Башкортостан (3,97%). Санкт-Петербург с его долей 2,92% в этом ряду находился на седьмом месте. К началу 2016/2017 учебного года ситуация изменилась незначительно. Доля Москвы в числе обучающихся повысилась до 5,07%, а на последующих местах находились Краснодарский край (4,04%) и Свердловская область (3,91%). Доля Санкт-Петербурга составила 3,22%, и город переместился на четвертое место в ранжированном по этой доле ряду субъектов РФ [Регионы России, 2017].

Подготовка квалифицированных рабочих и служащих. Численность студентов, обучающихся по таким программам, в рассматриваемом периоде постоянно снижалась. Если в конце 2005 г. их было 1509,4 тыс. человек, то в конце 2016 г. – всего 563 тыс. человек, или в 2,7 раза меньше. В расчете на 10 тыс. жителей число студентов, которые проходили подготовку по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, уменьшилось со 105 в конце 2005 г. до 38 в начале 2016 г. [Регионы России, 2017].

Основные центры подготовки квалифицированных рабочих и служащих в конце 2005 г. находились в Москве, Свердловской области, Республике Башкортостан и Челябинской области, доли которых в общем числе обучавшихся составили соответственно 3,81%, 3,51, 3,4 и 3,37%. В начале 2016 г. ситуация изменилась. Регионами-лидерами стали Республика Башкортостан, в которой обучались 4,87% будущих квалифицированных рабочих и служащих, Краснодарский край (4,12%) и Ростовская область (3,87%). Что касается Москвы, то подготовка кадров этой категории в городе резко сократилась, и столица переместилась в ранжированном по этому показателю ряду регионов с первого на 16-е место [Регионы России, 2017].

Резюмируя, можно отметить, что общее количество выпущенных за четыре года (2013–2016) бакалавров, специалистов и магистров составило 4978,8 тыс. человек, специалистов среднего звена – 1805,1 тыс. и квалифицированных рабочих и служащих – 1405,8 тыс. человек. Однако, исходя из демографической ситуации, масштабы подготовки кадров в ближайшей и среднесрочной перспективах, по-видимому, будут уменьшаться.

Стоимость образовательных услуг

В настоящее время определенная часть образовательных услуг в России предоставляется на платной основе, причем средние потребительские цены на различные их виды постоянно растут. Например, если месяц обучения в негосударственных общеобразовательных организациях в конце 2011 г. обходился домохозяйствам в 10 тыс. руб., то в конце 2016 г. – уже в 16,3 тыс. руб. (рост в 1,63 раза). За тот же период стоимость семестра обучения в образовательных организациях среднего профессионального образования повысилась в среднем с 16,5 до 28,4 тыс. руб., или в 1,72 раза, в негосударственных образовательных организациях высшего профессионального образования – с 24,8 до 40,8 тыс. руб.,

или в 2,83 раза, в государственных и муниципальных образовательных организациях высшего профессионального образования – с 28,2 до 51,5 тыс. руб., или в 1,83 раза. Стоимость академического часа занятий на курсах иностранных языков – со 182 до 267 руб., или в 1,47 раза, а на курсах профессионального обучения – с 80 до 125 руб., или в 1,57 раза [Социальное положение..., 2017]. По всем перечисленным позициям, за исключением занятий на курсах иностранных языков, стоимость обучения превысила индекс потребительских цен, который составил за этот период 1,5 раза. Месячные среднедушевые денежные доходы населения России при этом возросли в 1,48 раза. Таким образом, платные образовательные услуги для российских домохозяйств стали менее доступными.

В результате, если в 2010 г. в РФ в целом доля расходов на образование в структуре потребительских расходов домашних хозяйств составила 1,3%, то в 2016 г. она сократилась (0,8%). Снижение произошло в 72 из 83 регионов субфедерального уровня, которые входили в состав РФ до 2014 г. Наибольшие доли расходов на образование в структуре потребительских расходов домашних хозяйств в 2016 г. были зафиксированы в Ямало-Ненецком АО (2,8%), Приморском (2,6%) и Краснодарском (1,9%) краях, Республике Татарстан (1,7%) и Амурской области (1,6%).

Доли расходов на образование в структуре расходов домохозяйств различаются в разрезе отдельных их групп [Доходы, расходы..., 2017]. Так, в III квартале 2017 г. (последние имевшиеся к моменту написания статьи данные) при среднем значении этого показателя 0,8% она была выше у домохозяйств в сельской местности, где она составила 1%, в то время как у домохозяйств в городской местности она оценивалась в 0,7%.

Важно, что эта доля заметно различается по отдельным доходным группам домохозяйств. Наиболее низкой в III квартале 2017 г. она была у наиболее бедных домохозяйств – 0,4% (1-я и 2-я децильные группы) и 0,5% (3-я децильная группа). Это может быть связано с двумя обстоятельствами – во-первых, невозможностью оплачивать образовательные услуги при имеющемся дефиците денежных доходов и, во-вторых, социальной поддержкой детей из малообеспеченных семей при получении ими образовательных услуг.

Рост доходной обеспеченности домохозяйств сочетается с повышением доли их расходов на образование, хотя прямой зависимости тут нет. Например, в 4-й децильной группе доля расходов на образование составила 0,7%, в 5-й – 1%, в 6-й – 0,9%, в 7-й –

1%, в 8-й – 1,6% и в 9-й – 0,9%. Особняком стоят наиболее обеспеченные домохозяйства 10-й децильной группы, в которой доля расходов на образование соответствовала таковой у самых бедных домохозяйств, составив 0,4%. Это может быть связано как непосредственно с высоким уровнем доходов домохозяйств этой группы, так и с известной проблемой низкой доступности наиболее обеспеченных домохозяйств для проведения социологических опросов.

Абсолютные среднемесячные расходы на образование на члена домохозяйства в III квартале 2017 г. составили 134,3 руб., в том числе у домохозяйств в городской местности – 140,6 руб., а в сельской местности – 115,9 руб., или на 17,6% меньше. Еще значительнее были разрывы между домохозяйствами различных децильных групп. В 1-й децильной группе эти расходы составили 17,6 руб., во 2-й – 30 руб., или в 1,7 раза больше, чем в 1-й децильной группе, в 3-й – 46,7 руб. (в 2,7 раза больше), в 4-й – 73,2 руб. (в 4,2 раза больше), в 5-й – 119,2 руб. (в 6,8 раза больше), в 6-й – 128,6 руб. (в 7,3 раза больше), в 7-й – 166,8 руб. (в 9,5 раза больше), в 8-й – 336,2 руб. (в 19,1 раза больше), в 9-й – 235,3 руб. (в 13,4 раза больше) и в 10-й децильной группе – 189,4 руб., или в 10,8 раза больше, чем в 1-й децильной группе [Доходы, расходы..., 2017].

Образование и возможности трудоустройства

Инвестиции российских домохозяйств в образование не всегда оказываются экономически эффективными, поскольку ситуация, которая складывается на региональных рынках труда, может быть неблагоприятна для трудоустройства специалистов определенных профессиональных групп. Причем это касается как лиц, имеющих трудовой стаж, так и молодежи, которая впервые выходит на рынок труда после завершения образования. Во многих случаях безработица носит застойный характер, особенно в сельской местности. Например, в феврале 2018 г. из 1,4 млн сельских жителей, определенных как безработные в соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ), 37,5% находились в ситуации застойной безработицы, т.е. не могли найти работу в течение не менее 12 месяцев. В составе 2,4 млн безработных горожан доля таких безработных составляла 26,9% [Социально-экономическое положение..., 2018].

В депривированном положении при поиске работы оказываются прежде всего проживающие в сельской местности. Подтверждением тому является статистика регистрируемых рынков

труда в регионах. Она отражается формой федерального статистического наблюдения № 2-Т «Сведения о предоставлении государственных услуг в области содействия занятости населения (трудоустройство)», действующая редакция которой утверждена Приказом Росстата от 23.01.2017 г. № 33. Данные этой формы № 2-Т в квартальном разрезе представлены на интерактивных порталах служб занятости населения субъектов Российской Федерации. Пилотный анализ, проведенный в 2017 г. по 17 субъектам Российской Федерации, находящимся в шести федеральных округах, привел к следующим результатам¹.

Только в 6 из 17 регионов (или немногим более чем их одной трети) регистрируемый спрос работодателей на рынке труда превышал предложение труда безработными. Такая ситуация сложилась в Чувашской Республике, Краснодарском крае, Ленинградской, Новгородской, Тюменской областях и Ямало-Ненецком автономном округе. В 10 регионах регистрируемый рынок труда был трудодефицитен в городских поселениях и трудоизбыточен в сельских поселениях. В составе этих регионов находились Республики Адыгея, Коми и Хакасия, Удмуртская Республика, Архангельская, Владимирская, Ивановская, Кировская, Омская и Свердловская области. Наконец, в Республике Карелия предложение на рынке труда превышает спрос как в городской, так и в сельской местности.

Соотношение между спросом и предложением различается по отдельным группам занятий, представленным в Общероссийском классификаторе занятий ОК 010–2014 (МСКЗ-08), который введен в действие с 1 июля 2015 г. Так, в городских поселениях спрос оказался выше предложения по семи из девяти основных гражданских групп занятий, а именно: специалистам высшего уровня квалификации; специалистам среднего уровня квалификации; квалифицированным работникам сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства; квалифицированным рабочим промышленности, строительства, транспорта; работникам сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности; операторам производственных установок и машин, сборщикам и водителям; неквалифицированным рабочим. Обратная ситуация (превышение предложения над спросом) наблюдалась только по двум

¹ Работа была выполнена совместно с к.э.н. А.К. Капустиным в рамках проекта ТЗ-146 Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» «Служба занятости: от настоящего к будущему» (руководитель проекта д.э.н. Ф.Т. Прокопов).

группам занятий – руководителям, а также служащим, занятым подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием. Это легко объяснимо цифровизацией экономики и сокращением потребности в управленческом труде.

Однако в сельских поселениях перечень трудоизбыточных видов занятий оказался шире. Помимо двух упомянутых, в группу видов занятий с превышением предложения труда над спросом вошли еще три: работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности; операторы производственных установок и машин, сборщики и водители, а также неквалифицированные рабочие.

В разрезе подгрупп занятий (второй иерархический уровень в Общероссийском классификаторе занятий) оказалось, что в городских поселениях наибольший вклад в формирование дефицита рабочей силы внесли такие подгруппы занятий, как рабочие, занятые в строительстве, и рабочие родственных занятий (за исключением электриков); рабочие, занятые в металлообрабатывающем и машиностроительном производстве, механики и ремонтники, а также специалисты в области здравоохранения, на которые в III квартале 2016 г. – II квартале 2017 г. пришлось в среднем¹ соответственно 16,7%, 10,7% и 8,7% общего дефицита рабочей силы. В свою очередь 38,2% избытка рабочей силы сформировали специалисты в сфере бизнеса и администрации, а 37,6% – уже упомянутые руководители.

В сельских поселениях основной дефицит рабочей силы пришелся на рабочих, занятых в строительстве, и рабочих родственных занятий (за исключением электриков) (15% общего дефицита), специалистов в области здравоохранения (14,3%), квалифицированных работников сельского хозяйства, производящих товарную продукцию (14%), специалистов в области образования (12,1%) и специалистов в области науки и техники (10,2%). С другой стороны, 17,3% избытка рабочей силы пришлось на неквалифицированных работников по сбору мусора и других неквалифицированных работников, 15,8% – на операторов промышленных установок и стационарного оборудования, 12,3% – на продавцов, 9,9% – на неквалифицированных рабочих, занятых в горнодобывающей промышленности, строительстве, обрабатывающей промышленности и на транспорте.

¹ Расчеты проводились по 4 кварталам в целях элиминирования фактора сезонности на рынке труда.

Полученные результаты показали, что в целом высокий уровень образования может рассматриваться как одно из условий успешного трудоустройства. Однако переход к информационному обществу может вытеснить в состав невостребованных представителей тех видов занятий, которые подразумевают высокий уровень образования, что ярко проявилось в случае с руководителями. Другой пример – это служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием, спрос на услуги которых сократился. Так, активное внедрение онлайн-технологий в банковской сфере обусловил сокращение операционистов, обслуживавших ранее оффлайн-платежи. Прежде всего это сказалось на крупнейшем финансово-кредитном учреждении России – Сбербанке, филиальная сеть которого в последние годы активно сокращается.

Заключение

Само по себе образование не является решающим фактором для принятия решения о переселении из сельской местности в города или, наоборот, из городских поселений в сельские. Проведенные расчеты подтвердили это. Миграции между городами и сельскими поселениями зависят прежде всего от экономической ситуации. Нельзя также сбрасывать со счетов и такое явление, как отходничество, участниками которого, по имеющимся оценкам, являются 15–20 млн человек [Плюснин Ю., Позаненко А., Жидкевич Н., 2015], имеющих различные образовательные цензы. Они не учитываются в статистике межпоселенческой миграции, хотя фактически, проводя в ряде случаев до полугода вне места постоянного проживания, включены в процессы урбанизации / дезурбанизации. К сожалению, экономические последствия отходничества для поселений, в которых временно пребывают отходники, изучены пока еще недостаточно.

Оценивая тенденции развития образования в стране в ближайшей и более отдаленной перспективах, можно отметить, что они будут находиться под влиянием двух основных факторов. Во-первых, это демографический фактор: в предстоящие годы Россия попадает в очередную «демографическую яму», что в итоге обусловит снижение потребности в подготовке специалистов. Во-вторых, структурные сдвиги в экономике и медленный рост денежных доходов населения, по-видимому, могут повлиять на изменение соотношения между потребностями в высшем и среднем специальном образовании в пользу последних.

Список литературы

1. Демографический ежегодник России. 2017: Статистический сборник. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2017. – 265 с. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm
2. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2017 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2017. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_102/Main.htm
3. Исаев Н.И., Капустин А.К., Смирнов С.Н. Риски социальной эксклюзии в регионах России: Методологический инструментарий и результаты оценки // Вопросы статистики. – М., 2015. – № 8. – С. 47–55.
4. Обследование населения по вопросам занятости. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2016–2017. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766
5. Обследование рабочей силы. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2006–2015. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766
6. Плюснин Ю., Позаненко А., Жидкевич Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России: Социология, этнология. – 2015. – Т. 24, № 1. – С. 35–71.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. – М.: Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm
8. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2017. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_44/Main.htm
9. Социально-экономическое положение России – 2018 г. Январь-февраль. – М.: Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_01/Main.htm
10. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2017. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm